

те? Что-нибудь он в вас знает? — спрашивает. А как же. Запомнил бы порядок во всем, и на комбинате бы не дал: ежедневно нас утировали, все нужно делать тщательно и все работали четко, и чистота, культура, плена. Я же говорил: день в баню ходил за сто дней стали как лане. Кажется, не снаружи, но и изнутри — психически очистился каждый. можно, такому человеку Медянкин, и не требовалось дополнительных испытаний на мужество и стойкость. Деревенский парнишка выросший в детском доме, он с детства знает, что такое настоящая жизнь и рабочий труд. Пусть этим премудрым будет всегда.

— Он у нас крутой был, характерный, жесткий. Мне в 12 лет косу в руки дал — сено для коровы надо заготовить. Такая с тех пор каждое лето с косой не расстаюсь.

Позже Юрий Иванович выучился водить автомашину, — отец был водителем КраЗа, а в армии получил еще профессии экскаваторщика, механизатора — любая техника послушна его сильным рукам. Потом, когда увез молодую семью на север, где строил газопровод Уренгой—Челябинск, все это умение очень пригодилось.

Своих сыновей Костю и Максима он воспитывает в том же духе. В доме Медянкиных — полное взаимопонимание, в жизни Юрия Ивановича все ладно.

Пусть так будет всегда.
В. МИНУЛЛИНА.

Вот это новость!

НЕДОГЛЯДЕЛИ. Немалое удивление вызвала у работников ПВЭС появившаяся на доске объявлений цеха фонограмма № 224 от 15 февраля 1991 года. Она оповещала: «Полученная партия обоев и линолеума распределена и подписи заместителя генерального директора комбината Петрова.

Ознакомившись с этим текстом, проходившие мимо люди пришли в замешательство и, более того, приняли его поначалу за шифровку некоего резидента. Произшло это, возможно потому, что большинство работников цеха что называется ни сном ни духом не знали о распределении дефицитных стройматериалов.

До сих пор для них остается тайной и другой момент: когда и кем на ПВЭС была принята другая фонограмма АИС № 68 от 16 января текущего года, оповещавшая о начале распределения отделочных материалов? И почему ей-то, если она была получена, не нашлось места на доске объявлений?

— И это уже не первый случай. Примерно такая же история приключилась в мае прошлого года с той лишь разницей, что тогда шла речь, кажется, о краске.

Такой вот казус. Сообщил нам о нем машинист ПВЭС В. А. Анисимов.

Встреча для вас

«КОМПОЗИТОР — ЭТО НЕ ПРОФЕССИЯ, А СОСТОЯНИЕ ДУШИ»

Завтра в концертном зале Магнитогорского высшего музыкального училища начнется выездной пленум Челябинской организации Союза композиторов РСФСР. Начнется он в 16 часов представлением рок-оперы В. Сидорова и В. Тимофеева «Сказки дедушки Скрипа».

В наш город, пожалуй, впервые за всю его историю приедут композиторы и исполнители из Челябинска, Свердловска, Ленинграда и Улан-Уде. Живет и работает в Магнитогорске всего один профессиональный композитор Владимир Александрович Сидоров. Накануне пленума мы пригласили В. А. Сидорова к нам в редакцию.

— Владимир Александрович, в нашем металлургическом, провинциальном по уровню культуры городе, профессия «композитор» звучит экзотически. Расскажи, пожалуйста, о себе.

— Родился я в год Обезьяны под знаком Весов в городе Магнитогорске. Отец всю свою жизнь работал на комбинате, в 44 года умер. Учился в школе, в музыкальном училище, потом в консерватории Екатеринбургской.

— Простите, вы хотели сказать — Свердловска?

— Нет, я хотел сказать именно Екатеринбург. Закончил факультет композиции — класс педагога В. А. Кобекина. Вообще у нас вся семья музыкальная: играют на гармошке, на гитаре, балалайке, все поют. Так что музыку я стал сочинять давно: сколько себя помню — всегда сочинял.

— И мечтали стать именно композитором?

— «Про запас» для себя держал еще профессию журналиста. Писать начал рано: и в рифму, и без рифмы. Но я не стал бы называть свои сочинения стихами — скорее, это стихомыслие.

— Когда ваша музыка впервые вышла на массовую аудиторию?

— Это было лет десять назад, я учился в консерватории и написал ораторию «Сказание о Магнитогорье» — ее и сейчас исполняют хоры капеллы города. Лет пять назад закончил кантату на стихи Риммы Дышаленковой «На Урале заводском».

— В каком музыкальном жанре вы больше всего любите работать?

— Во всех. Нет, наверное, жанра, в котором я бы не писал. Сейчас, например, работаю над воде-

вилем. В прошлом году написал оперу-ораторию по Карамзину «Покорение Новгорода», музыку к спектаклю Магнитогорского драмтеатра «Четыре допроса», вокальный цикл на стихи Федерико Гарсиа Лорки для сопрано в сопровождении фортепиано, шоу-программу «Р-революционные песни». Вот так каждый год и набирается...

Консерваторию я закончил в 1983 году, за пять лет после окончания написал симфонию на слова Р. Дышаленковой, кантату «Послания Фридриха». 88—89-й годы — это период моей общественной деятельности, связанной со «Встречным движением», а с 1990 года начался для меня новый творческий этап. Сейчас мне ближе театральная, сценическая музыка.

— Есть у вас кумиры среди известных композиторов?

— Нет. Если уж говорить о кумире, то для меня это писатель Андрей Платонов. Вот это сила: талант, неповторимость, глубина... Вся жизнь жил в нищете, убожестве — и выстоял.

— С кем из исполнителей своей музыки вы предпочитаете работать?

— В Магнитогорске выбирать не приходится. Но вообще у меня давно уже сложилось взаимопонимание с нашей капеллой. Прекрасный коллектив, но ведь не может он исполнять только мои произведения. Так что, сколько у меня и соотрудников. Это, в первую очередь, Дышаленковой «На Урале заводском».

— Как вы относитесь к такому понятию, как популярность?

— Безразлично. Хотя, благодаря городской газете, у меня некоторая скандальная популярность в Магнитке появилась. Нет, не как у композитора — моей музыки «MP» не

замечает, будто ее и не существует вовсе. Как у «встреченца» — ведь мы с Валерием Тимофеевым были у истоков «Встречного движения», это наша совместная идея — выйти 6 марта 88-го года на демонстрацию. Тогда гласность и демократия были только провозглашены и казались пустой декларацией. Очень хотелось на себе испытать: свободны ли мы?

— Ну, и какой вывод?

— Во всяком случае, до сих пор на свободе...

— А вы сами — свободный человек?

— Да, насколько это возможно в нашей несвободной жизни. Но это уже философия, так как речь идет скорее о внутреннем состоянии души, а не о внешней свободе. Говорят, что на Западе композитор — это профессия. У нас в стране композитор — это больше, чем профессия. Это миссия, ощущение, что тебе что-то дано свыше и ты обязан нести свой крест. Ты уже не можешь распоряжаться самим собой, так как есть внутренний долг, а главный судья — твоя совесть. Я ведь связан с универсальным искусством — музыкой.

— В программе предстоящего пленума — а это четыре вечера музыки — много ваших произведений. Это что, своеобразный творческий отчет? Чего лично вы ждете от музыкального пленума?

— Я ничего от него не жду — я маюсь в ожидании. Нет, это вовсе не отчет: в программе произведения не только мои, но и челябинских композиторов: М. Смирнова, Е. Гудкова, В. Веккера, магнитогорца Р. Бакирова.

Записала В. МИНУЛЛИНА.

На снимке: композитор Магнитки В. А. Сидоров.

ОБЩЕСТВЕННОСТИ

время мимолетом. В ловке четыре Минцветаша, и их внимательно лим рублем четырехсот, такой возм придется ими и персами отрасли. енности буд-отдаленным комбинате уже злых пред-их в собст-без права предприятия лстрой», по рудобогатве. Наме-ыпуск авто-бензина из

существование соответствующего механизма перехода. На комбинате специалисты посчитали, что, учитывая нынешнее состояние основных фондов, будет получена прибыль, которая дает дивиденд не более 4—6 процентов. Следовательно, какой будет смысл труженикам вкладывать свои средства в акции, если уже сейчас процент по вкладам в банк доходит до девяти?

Однако были и другие мнения. Некоторые депутаты считают, что дело не в проценте. Их могут устроить и 4—6 процентов. Главное в том, что средства вкладываются в развитие своего собственного предприятия. А благодаря этому со временем вырастет процент.

Так надо ли, поставив задачу выхода из кризиса, отступать перед первыми же возникшими препятствиями — как отсутствие средств у трудящихся и отсутствие механизма перехода?

Эта тема на прошедшем собрании не получила развития. И депутаты, надо полагать, продолжат разговор на новых встречах.

В. ЛАНЦОВ

Чрезвычайное происшествие

22 февраля в девять часов вечера из гаража управления железнодорожного транспорта комбината угнана автомашина марки КамАЗ 5320. Чужой машиной воспользовались водитель А. Г. Варнавский, 1957 года рождения, и грузчик А. С. Шунин, 1965 года рождения. Оба находились в нетрезвом состоянии — по всей видимости, досрочно отметили День Советской Армии. На вопрос: для чего

ГОНКА ПО ВЕЧЕРНЕМУ ГОРОДУ

угнали и куда направлялись, сейчас ответить трудно. Из объяснительных следует: то ли за мясом, то ли за водкой. Определенной цели у угонщиков не было.

И Варнавский, и Шунин, отработали на ММК сравнительно недолго: первый устроился в 1989 году, второй — годом позже. Кстати, ранее судимого Шунина брали водителем, но после появления на производстве в нетрезвом виде он был переведен на нижеоплачиваемую должность грузчика.

В тот день приятели с легкостью пересекли проходную комбината. Варнавский «на колесах», а Шунин в пешем порядке, поскольку «по правилам охраны» в кабине должен быть один человек. Затем они уже вместе едут по улицам вечернего города. В районе остановки «ТЭЦ» Варнавский покидает машину, а Шунин, сев за руль, продолжает путешествие в одиночестве. А через некоторое время его начинают преследовать сотрудники госавтоинспекции.

Шунин движется по Южному переходу, не реагируя ни на сигналы, ни на требования остановиться. Скорость КамАЗа — 80—90 километров в час. Автомашина теснит на рельсы попавшийся на пути ГАЗ-24, проезжает на красный свет светофора в районе цирка, где в это время много пешеходов. Шунин продолжает движение по дороге, ведущей в аэропорт. ГАИ продолжает преследование.

КамАЗ проезжает мимо поста ГАИ, и инспектор вынужден применить оружие. Впереди железнодорожный переезд, шлагбаум опущен. Сбив шлагбаум, грузовик мчится дальше. В кювете оказывается работник аэропорта, в стороны разлетаются вещи людей, голосующих на дороге. Неизвестно сколько еще могло бы продолжаться это «путешествие» и чем оно могло бы кончиться, если бы на перекрестке Аскароро—Янгелька пьяного водителя КамАЗа не занесло в канаву. Он застрял в сугробе. Здесь

его и настигла госавтоинспекция.

Сотрудники ее услышали в свой адрес немало «выражений» и угроз от угонщика. Кстати, при задержании было сделано около сорока выстрелов, половина которых достигла цели. Правда большинство пуль оставило на заднем борту КамАЗа лишь маленькие вмятины. В преследовании угонщика участвовало пять машин ГАИ, пятнадцать сотрудников. Гонка продолжалась примерно пятьдесят минут. КамАЗ преследовали в общей сложности примерно 17 километров.

В распоряжении № 82, подписанном начальником ЖДТ ММК А. В. Антоновым от 25.02.91, сказано: «Случай угон стал возможным вследствие отсутствия контроля за работой подчиненного персонала со стороны начальника ОМТС ЖДТ товарища А. Н. Лунева и низкой производственной дисциплины водительского отдела». А. Н. Луневу объявлен строгий выговор.

Варнавский и Шунин будут лишены водительских прав и уволены из комбината. Кроме того, им предстоит возместить причиненный материальный ущерб — за простой машины, за поломку шлагбаума. К тому же КамАЗ не является собственностью ММК, а был арендован в Воронеже. Общая сумма ущерба * подсчитывается, но уже известно что ремонт шлагбаума обойдется примерно в тысячу восемьсот рублей.

Это чрезвычайное происшествие обошлось, к счастью, без жертв. Но, каковы бы были последствия, когда за рулем пьяный водитель, знает каждый из нас. Случаи управления в нетрезвом виде госавтомашинами на комбинате не так уж редки. Только за прошлый год было задержано девять водителей.

М. КУРБАНГАЛЕЕВА.

На снимках: угнанный КамАЗ; следы от пуль показывает сотрудник ГАИ.

Фото В. Макаренко.